

АНТОН МАРКОВ

ФЕНИКС

Трагедия

Действующие лица:

Роджер Мэннерс, граф Рэтленд
Генри Ризли, граф Саутгемптон
Фрэнсис Бэкон
Бен Джонсон, поэт
Ричард Бербедаж, актер
Уильям Шекспер, актер
Томас Скревен, дворецкий Рэтленда
Мэри Сидни, графиня Пембрук
Елизавета Сидни, ее племянница

Места действия: Лондон, Кембридж, Бель-вуар. XVI-XVII вв.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Постоялый двор в Лондоне. На чердаке. ШЕКСПЕР.

ШЕКСПЕР. Выпустите меня отсюда! Я вам говорю!

Голос РИЧАРДА БЕРБЕДАЖА. Это слова из новой пьесы, Уилли!

ШЕКСПЕР. Это слова для твоих ослиных ушей, Ричард. Выпустите меня отсюда!

Голос РИЧАРДА. Я не совсем понял про уши...

ШЕКСПЕР. И понятно: ум хозяина их гораздо короче.

Голос РИЧАРДА. ...но чей рев за дверью, я разобрал.

Хохот за сценой.

Голос КЕМПА. Уильям! Нам не на чем везти реквизит на гастроли. Посмотри там, на чердаке: нет ли чего подходящего для скотины?

ШЕКСПЕР. Нет! И хватит драть глотку!

Хохот.

Голос КЕМПА. Так разбудь! Ты же на все руки мастер.

Голос ХЕМИНГА. Только на руки он и мастер.

Голос КЕМПА. А знаете, чем он на самом деле потрясает?

Голос РИЧАРДА. Довольно. Вы ему меша-ете работать. Для поэта нужна тишина.

ШЕКСПЕР. Вы! Стадо тигров! Скальте ва-ши зубы, от которых сборы упали. Я вам еще покажу! Я найду, что показать. Я вам такую декламацию устрою, что вы на коленях будете ползать и лизать мне то, над чем слабились. Я из вас каннибалов сделаю! Вы днем будете ку-дахать на сцене, а ночью выступать перед вшами. Без меня вы никто! Вы даже гвоздя не найдете. А я найду! И вобью его в ваши тупо-головые башки! Вы меня разозлили! Бер-бедаж! Бербедаж! Конечно, ты ли тут глав-ный? Хеминг, дружок мой, открой... Джон!.. Кемп!.. Черт бы вас подрал... Кемп!.. Тебе бы только башмаки портить, танцуя от юбки до юбки... Где вы там?! Нет, они не могли уйти, я же есть хочу... Эй!..

Голос РИЧАРДА. Хватит вопить. Всех рыб в Темзе распугаешь.

ШЕКСПЕР. Ричард, вы куда подевались?

Голос РИЧАРДА. Разошлись.

ШЕКСПЕР. А ты, почему остался?

Голос РИЧАРДА. Уилл, вместо того, что-бы драть глотку, ты бы записал все это. Неп-лохое начало для пьесы. Бумага у тебя есть. Если ты, конечно, ее не порвал.

ШЕКСПЕР. Не порвал. Она денег стоит.

РИЧАРД (входя). Вот именно. Денег. А они, по твоей милости, рассорились с нами.

ШЕКСПЕР. Неправда. Я кое-что сберег. Ах, Ричард, только на тебя одного я и могу на-деяться, а остальные... Я в долгу не останусь.

РИЧАРД. Куда?

ШЕКСПЕР. Выйти отсюда хочу.

РИЧАРД. Тебе же сказали: пока не напи-пешь пьесу, не выйдешь. Ты думал, мы пошу-тили?

ШЕКСПЕР. Гусь недожаренный! Да я те-бя!..

РИЧАРД. Ты меня и пальцем не тронешь.

ШЕКСПЕР. Я?

РИЧАРД. Мое лицо это твои пенсы.

ШЕКСПЕР. Я тоже не могу выйти на сцену с фингалом.

РИЧАРД. Получил в битве. К тому же тебя убивают в самом начале.

ШЕКСПЕР. По лицу не бить.

РИЧАРД. Бумагу не рвать.

ШЕКСПЕР. Мне терять нечего!

Дерутся. РИЧАРД побеждает.

РИЧАРД. Извини, что не удержался.

ШЕКСПЕР. Мое лицо...

РИЧАРД. У тебя не будет сегодня спектакля.

ШЕКСПЕР. Что вам всем надо от меня?

РИЧАРД. Пьесу. Твою новую превосход-ную пьесу.

ШЕКСПЕР. И только, когда я напишу, вы меня выпустите?

РИЧАРД. Тотчас.
ШЕКСПЕР. Ричард...
РИЧАРД. Что?
ШЕКСПЕР. Я не умею писать.
РИЧАРД. Знаю. (Уходит).
ШЕКСПЕР. Ричард! Я же умру от голода. Это плохой розыгрыш. Отпустите меня... Од-но добро... У меня трое детей... Я же замерз-ну!.. Ричард!..
РИЧАРД (входя). На, прочти.
ШЕКСПЕР. Не уходи больше.
РИЧАРД. Читай.
ШЕКСПЕР. Вслух?
РИЧАРД. Да.
ШЕКСПЕР. С начала?
РИЧАРД. Отсюда.
ШЕКСПЕР. "Да. Не до-ве-ряй-те им. И-бо есть сре-ди них во-ро-на..." Ворона!
РИЧАРД. Ты и читать не умеешь. Дай.
ШЕКСПЕР. Умею. Я и по-латински умею. "Выс-коч-ка...". Ворона-выскачка!
РИЧАРД. Дай. Пока ты прочтешь, я сам от голода сдохну. "...Ворона-выскачка, украшен-ная нашим опереньем, кто с сердцем тигра в шкуре актера считает, что может помпезно изрекать белый стих как лучшие из вас, и, бу-дучи абсолютным Джоном-фактотумом, в своем собственном чванстве воображает себя единственным потрясателем сцены в стране". Как ты думаешь, о ком это?
ШЕКСПЕР. Про Джона?
РИЧАРД. Ты притворяешься?
ШЕКСПЕР. Но там же сказано: Джон фак-то-тум.
РИЧАРД. Это о тебе.
ШЕКСПЕР. Обо мне? Что за невежа это написал?
РИЧАРД. Это написал Грин.
ШЕКСПЕР. Грин?

РИЧАРД. Да. Перед смертью. А кто у нас потрясатель?
ШЕКСПЕР. Далась вам моя фамилия! Я не потрясатель копыя, я...
Входит РЭТЛЕНД.
РЭТЛЕНД. Шекспир?
РИЧАРД. Ваше сиятельство...
ШЕКСПЕР. Шекспер. Уильям.
РЭТЛЕНД. Я вам не помешал? Вы читали исповедь Грина, судя по твоему лицу, Уильям?
РИЧАРД. Да, ваше сиятельство, вслух.
РЭТЛЕНД. И на ощупь. Здесь больше нет никого?
РИЧАРД. Нет, определенно нет, но если вы, ваше сиятельство, хотите видеть кого-ни-будь еще из нашей труппы, то...
ШЕКСПЕР. Ваше сиятельство, нижайше прошу вас: защитите меня, не дайте свершиться злодейству! Они удумали меня погубить. Спасите меня, умоляю!
РЭТЛЕНД. Злодейство? Интересно. Что ты удумал, Ричард?
ШЕКСПЕР. Он удумал запереть меня здесь, чтобы я сдох, а лучше умер от голода.
РИЧАРД. Ваше сиятельство, вы застали нас врасплох...
ШЕКСПЕР. Я благодарю Господа, что вы вошли на чердак именно сейчас...
РИЧАРД. Поверьте, никто не собирался убивать этого...
ШЕКСПЕР. Да я по желудок уже в могиле!
РЭТЛЕНД. Теперь твой монолог, Ричард, а ты подождешь своей реплики.
ШЕКСПЕР. Какой?
РЭТЛЕНД. Что ты на это скажешь.
ШЕКСПЕР. Слушаюсь.
РИЧАРД. Мы решили его запереть на чер-даке, пока он не напишет новую пьесу.
РЭТЛЕНД. Это бесчеловечно. В таких усло-

виях Муза не приходит к поэту. Вы его обрекли, действительно, на гибель. Я вовремя пришел.

РИЧАРД. Ваше сиятельство, позвольте мне сказать несколько слов в оправдание.

РЭТЛЕНД. Позволю.

РИЧАРД. Вы знаете, как умер наш просла-вленный Грин, и что он говорил перед смер-тью. Но вы не знаете, что заставило его так говорить. А дело в том, что стоящий перед ва-ми Уилл Шекспер, наш бывший товарищ по труппе, крал пьесу у несчастного Грина и про-давал в театр.

ШЕКСПЕР. Я не крал, он отработывал свои долги!

РЭТЛЕНД. Не та реплика, Шекспер. Ты знал, чьи пьесы он приносит?

РИЧАРД. Клянусь честью, не знал.

РЭТЛЕНД. Не клянись ему. У актеров нет чести. Они с упоением играют благородного короля и радостно отъявленного негодяя. И не очень-то разбираются, сойдя со сцены, кем они сошли. Слово и дело у них дальние родст-венники. И в своих завещаниях они обходят друг друга... Что ты на это скажешь?

ШЕКСПЕР. Я? Ага. Вы попали в самую точку.

РЭТЛЕНД. Это не точка, а заглавная буква. А вот ты попал в прескверное положение. Не так ли, Ричард?

РИЧАРД. Не он, а мы попали в пресквер-ное положение. После исповеди Грина с нами никто не хочет сотрудничать. Нэш, Пиль, Кид отдали пьесы не нам. И у нас нет ни одной но-вой пьесы к Рождеству.

РЭТЛЕНД. Печально.

РИЧАРД. Мы можем только наказать это-го мясника и навсегда с ним расстаться.

ШЕКСПЕР. Я не мясник!

РЭТЛЕНД. Грин был настоящим поэтом.

ШЕКСПЕР. Да, да.

РЭТЛЕНД. Он не ставил своего имени над стихотвореньем, он был внутри него. Почему же ты не ставил своего?

ШЕКСПЕР. Как я мог!

РИЧАРД. Я ему не давал.

ШЕКСПЕР. Это неправда!

РЭТЛЕНД. Это благородно, Уильям, помо-гать настоящему поэту. Скажи честно, ты ни-чего не правил в пьесах Грина?

ШЕКСПЕР. Упаси Господь! Я трепетал над каждой строкой, лишь бы с ними ничего не случилось.

РЭТЛЕНД. Не лги.

ШЕКСПЕР. Вы посмотрите на мои руки, ваше сиятельство. Разве они для пера созда-ны? Ощипать гуся - с превеликим удовольст-вием, резать телянку к вашему столу так, чтобы тот радовался, - они уже чешутся. Мне ими даже книгу держать неловко, а еще и на-писать в нее... Слишком тонкая работа. И во-обще, я перчаточник.

РЭТЛЕНД. Ричард.

РИЧАРД. Да, ваше сиятельство?

РЭТЛЕНД. Я дам вашей труппе новую пьесу. Но с одним условием: имя ее автора будет Уильям Шекспир.

ШЕКСПЕР. Шекспир?

РЭТЛЕНД. Шекспир, ты не ослышался. И еще одно: об этом никто не должен знать, кро-ме нас троих. Иначе, история с гусем и телен-ком осуществится. Вот вам задаток. Поделите поровну. Что-нибудь непонятно?

ШЕКСПЕР. Все понятно, милорд.

РИЧАРД. Мне очень трудно объяснить то-варищам после всего, что случилось...

РЭТЛЕНД. Найди способ, Ричард. Хотя бы не пуская его на сцену, актер он прескверный.

РИЧАРД. Слушаюсь, ваше сиятельство.

РЭТЛЕНД. Прощайте. (Уходит).

ШЕКСПЕР. До свидания, ваше сиятельство, дай Бог вам благополучия во всем.

РИЧАРД. Тебе повезло, Шекспер. Забери, это твое.

ШЕКСПЕР. Но милорд сказал поделить по-ровну.

РИЧАРД. Считаю, что мы купили у Шек-спира новую пьесу. Идем, пока будешь жить у меня.

ШЕКСПЕР. Я могу снять дом.

РИЧАРД. Будешь жить у меня.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

У Рэтленда. Входят РЭТЛЕНД и САУТ-ГЕМПТОН.

ГЕНРИ. Твоя сестра ответила отказом, Не подарив и беглого свиданья, А сколько слов, рожденных в тишине, Наполненных благоговейной страстью, Я нес ей в дар. И все это напрасно. Меня отвергли, обокрав до нитки.

РЭТЛЕНД. Я знал, что этим кончится. Сестра

Противовес своим мечтаньям ищет: Для крыл голубки - крепкое гнездо, Для легких слов - покладистые уши, Для разоренья - кошелек тугой.

ГЕНРИ. Так я готов любое пожеланье Разумное исполнить в тот же миг!

РЭТЛЕНД. Достать к обеду философский камень

Экран и сценарий -

Иль золото из ртути получить?
Да, ты способен, я не сомневаюсь.
Но как добыть остаток из расхода –
Такое неразумное желанье
Ты б выполнил?
ГЕНРИ. Ты к ней несправедлив.
РЭТЛЭНД. Но лишь одно лекарство от любви:

Из недостатков делать недостатки.
ГЕНРИ. Тебе легко об этом говорить,
Но ты не можешь говорить об этом.
Весенний ветер осени не знает.
РЭТЛЭНД. Осеннему о мае невдомек.
ГЕНРИ. Когда-нибудь любовь тебя отыщет
И за твои слова приговорит
К царапанию лица, нелепым лентам,
Наденет на тебя колпак шута
И разом твой прогонит в безрассудство.
РЭТЛЭНД. Любовь не может быть судьей,

Генри,
Она всегда с законом не в ладах.
Она ворует нашу половину
И втридорога нам же продает.
ГЕНРИ. Поэтому она на перекрестках
Судеб в лохмотьях просит подаюнье.
Мы дети страсти. Страсти и Природы,
В которой все охотится на всех:
Лис за лисой, а голубь за голубкой.
РЭТЛЭНД. Граф за графиней, каменщик за прачкой.

ГЕНРИ. Но где Она, Единственная, Та,
Которая тебя рождает в Небо?
И как ее найти?
РЭТЛЭНД. Я точно знаю,
Что это не моя сестра. Послушай,
У Страсти есть иное имя: Время.
Оно уходит, вечно обновляясь
И оставляя голод за собой.
ГЕНРИ. Ты думаешь, я скоро все забуду?
РЭТЛЭНД. Ты хочешь есть?
ГЕНРИ. Хочу.
РЭТЛЭНД. Вот и ответ:
Природа созывает на обед.
Твоя сестра ответила отказом,

Уходят.
СЦЕНА ТРЕТЬЯ
Лондон. У Мэри Сидни-Пембрук. Входят МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА.

МЭРИ. Ты мне так и не ответишь, племянница, что с тобою?
ЕЛИЗАВЕТА. Не спрашивайте об этом, тетя.

МЭРИ. Не спрашивать? Но это единственный вопрос, на который ты отвечаешь вразумительно. На все остальные у тебя находится лишь "ах", "мм", и "да-да". Ты влюблена?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет-нет.
МЭРИ. Теперь и "нет-нет". Еще немного и ты согласишься, как антипод.
ЕЛИЗАВЕТА. Это как?
МЭРИ. Вверх ногами. А это признак влюбленности, Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Я не слышала о таком.
МЭРИ. И Слава Богу. Девушка в твоём возрасте должна думать, куда ступить, прежде чем лечь.

ЕЛИЗАВЕТА. Как видите, этот признак ко мне не подходит. Я не спотыкаюсь, голова моя вверху, утро для меня утром, а вечер вечером, а не наоборот.

МЭРИ. Это только начало. Сердце твое уже щебечет при слове "влюбленность", потом оно запырывает при слове "он", потом при ржании его слов, как радостный жеребенок, перетопчет все цветы разума, и разум, перевернувшись, окажется в пятнах, и ты будешь думать ногами. А там недалеко и до антипода. Прическа твоя несколько вздыблена, глаза покраснели, платье небрежно, одним словом: кто-то тебя перевернул.

ЕЛИЗАВЕТА. Мне Голос был. Он начинался там.

Откуда Жизнь берет свое Начало.
Я в соловьиной песне узнавала
Тот Голос, что созвучен Небесам.
И в ветре, что летел к моим садам,
И в розе, что под ветром трепетала,
Я письма знакомые читала
И Тишиною торжила словам.
Но я боюсь на Голос оглянуться,
Чтобы в мечте своей не обмануться,
Не выстроив, разрушить хрупкий дом,
Не потеряв, приобрести потерю.
Я не закрыла запертые двери,
И Голос знакомый мне знаком.

МЭРИ. Сколько же соловьев сорвало себе горло, пока ты рыдала, не плача, ела, не едя, лгала, не говоря правды?

ЕЛИЗАВЕТА. Тетя Мэри, вы меня не понимаете.

МЭРИ. Как мне не понять дочь своего отца, который был величайшим поэтом Англии, упокой Господь его душу!

ЕЛИЗАВЕТА. Нет-нет, вы не сможете понять.

МЭРИ. Я помогу тебе, Елизавета.
Граф Саутгемптон в Лондоне сейчас,
Мы пригласим его.

ЕЛИЗАВЕТА. Зачем?
МЭРИ. Спросить,
Что знает он об Уильяме Шекспире.

Звук и смех

Ты вспыхнула?

ЕЛИЗАВЕТА. При чем тут Саутгемптон? Мы не о нем с тобою говорим,
МЭРИ. А о Шекспире.

ЕЛИЗАВЕТА. Как вы догадались?
МЭРИ. Двумя путями Голос проникает

В глубины человеческого сердца.
Один – прямой, от ангелов и Бога,

Другой – через посредника Небес.
Что Голос твой мужского наполнения,
Гадать не нужно; то, что он поэта,

Я поняла по дочери отца.
Какая книга у меня пропала?

Кому в ней посвященье? Саутгемптон
Приедет к нам и Голос станет плотью.

ЕЛИЗАВЕТА. Не надо, тетя, пусть все оста-

ется
Как есть!

МЭРИ. Но нет, увя, Елизаветы.
Она живет в придуманной стране
Меж книг и знаний, никому ненужных,
Поскольку к жизни их не применяют.
Пора свиданья Жизни назначать,
Из книжных недр на Солнце выбирать.
Начнем с Шекспира.

ЕЛИЗАВЕТА. Им бы и закончить.
МЭРИ. Не будь Кассандрой, милая моя.
Узнаем о Шекспире: кто такой,
Как сочетается слово и поступки,
Как выглядит, что любит в нем работать:
Желудок или душа, случаен дар
Иль неслучаен, кто за ним стоит?
Вопросов много, но вопрос один:
Кто будет в этом доме господин?

ЕЛИЗАВЕТА. Ах, тетя!
МЭРИ. Довольно причитать. Все-таки удивительно, как столь совершенное творение

могло завладеть не столь совершенным созданием. Наденось, ты дашь мне перечитать твоего Потрясателя копыя?

ЕЛИЗАВЕТА. Ненадолго.
МЭРИ. Не на дольше, чем девичья страсть.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
Лондон. В театре. Входят ШЕКСПЕР и РИЧАРД.

ШЕКСПЕР. Здесь точно никого нет?
РИЧАРД. Есть. Ты да я.

ШЕКСПЕР. Мне не до шуток, Ричард. Нас здесь никто не услышит?

РИЧАРД. Никто, Кроме Бога. Хотя Ему неинтересен твой трусливый лепет.

ШЕКСПЕР. Трусливый? Я посмотрю на тебя, когда ты узнаешь, в чем дело. А дело касается и тебя! Нет, вы только посмотрите на него: трусливый!

РИЧАРД. Не созывай народ.
ШЕКСПЕР. Да-да, надо тише. Поговорим осмотрительно.

РИЧАРД. Так в чем же твое и мое дело?
ШЕКСПЕР. В его пьесах и стихах. Точнее, в моих. То есть наших и не наших. Я запутался, Ричард, и мне страшно.

РИЧАРД. Кто-то догадался, откуда ветер дует?

ШЕКСПЕР. Какой ветер? Я не о погоде с тобой толкую, а о... Ну? Писать еще умеет?

РИЧАРД. А! Рэтленд!
ШЕКСПЕР. Тихо ты! Я даже во сне боюсь произносить его имя.

РИЧАРД. Рэтленда?
ШЕКСПЕР. Ты издаваешься, да? Осмотришься, а потом издавайся.

РИЧАРД. Послушай, Уильям, ты похож на счет в трактире: цена опережает съеденное, то ли выплывать, то ли доедать. Да говори же ты, наконец, что произошло?

ШЕКСПЕР. Я призрак.
РИЧАРД. Начиная молиться.

ШЕКСПЕР. Молись, Ричард, молись. За себя. А я не знаю, за кого молиться: за себя или за Шекспира, будь он неладен! Никаких денег не надо. Я боюсь. Я не знаю, что отвечать. Подходит ко мне одна из их светлостей и говорит: спасибо, мол, за поэму, за лю... лю... а! – любезное посвящение мне. Дерзкое, конечно, малость, но – слушай внимательно – ноша столь же сильна, что и вапа опора. А? Как это понимать? Я ему: не стоит благодарности, дело плевое. А он: это вы написали?

РИЧАРД. А ты?
ШЕКСПЕР. Я говорю, конечно.

РИЧАРД. А он?
ШЕКСПЕР. Не думал, что – слушай внимательно – у столь легкой ноши столь странный носильщик. А? Как это понимать? То сильная ноша, то легкая. Никак ему не угодишь!

РИЧАРД. А ты?
ШЕКСПЕР. Хотите, говорю, еще что-нибудь напишу? А он: да уж напиши, Шекспир. И ушел. Догадался, как ты считаешь?

РИЧАРД. Никак. По счетам ты у нас мастер.

ШЕКСПЕР. Но это еще не все. Подходит ко мне другой, из студенческой братии, и спрашивает: вы ли тот самый Уильям Шекспир? А я ему: Шекспер, Шекспер! Потом спохватился и сказал: и Шекспир. Ну, кто ж знал! Хотя бы предупредили меня наше сиятельство!

РИЧАРД. Ну, а дальше, а дальше?

ШЕКСПЕР. То же самое: ты ли написал, ноша не для носильщика, что-то я вас в университете не видел. Тут я не выдержал: мой Стратфорд, говорю, трех ваших Кембриджов стоит.

РИЧАРД. А он?

ШЕКСПЕР. Тоже не выдержал. Двинул и ушел.

РИЧАРД. Как это "двинул и ушел"?

ШЕКСПЕР. Ушел от меня, а меня двинул. За что меня бьют, Ричард? Мне не за побои платят, а за молчание.

РИЧАРД. Надо было молчать. И глубоко-мысленно улыбаться.

ШЕКСПЕР. Так никто не предупредил! Как мне встретиться с... Шекспиром, Ричард?

РИЧАРД. Вот что: через месяц мы поедем на гастроли, заедем в Кембридж, его светлость должны быть там.

ШЕКСПЕР. Через месяц? От меня же ничего не останется. Его слава растет вместе с моими побоями.

РИЧАРД. Поезжай пока в Стратфорд, обновы в детях воспоминания об отце. Стратфорд не Тауэр, отсидишься.

ШЕКСПЕР. И молчать?

РИЧАРД. Молчать. Неизвестно, что задумал Рэтленд.

ШЕКСПЕР. Спасибо тебе, Ричард. Как же вы без меня?

РИЧАРД. Ничего, обойдемся.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ
Лондон. У Мэри Сидни-Пембрук. Входят МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА.

ЕЛИЗАВЕТА. Не надо, тетя, милая, не надо!

О чем угодно говорите с графом, О ком угодно, но не о Шекспире.

МЭРИ. Мне кажется, что это неприлично: Мы приглашаем в гости человека И потчует молчанием его.

ЕЛИЗАВЕТА. Молчанием?
МЭРИ. Конечно.

ЕЛИЗАВЕТА. Для беседы Немало тем найдется у меня.

МЭРИ. Так назови мне тему.
ЕЛИЗАВЕТА. О погоде.

МЭРИ. Но это о Шекспире.
ЕЛИЗАВЕТА. Почему?

МЭРИ. Погода с вдохновением роднится И ставляет образы поэтам:
Веселый стих рождается от солнца,
Меланхоличный от осенней лужи.
Раз вдохновенье нынче у Шекспира,
Мы эту тему молча обойдем.

ЕЛИЗАВЕТА. Тогда о моде: юбках и камзолах,
О бархате, мехах, сукне и шелке,
Воротниках, чулках и башмаках,
Подвязках, лентах, кружевах, розетках.

МЭРИ. И рукавах?
ЕЛИЗАВЕТА. О них. И о перчатках.

МЭРИ. Но это о Шекспире.
ЕЛИЗАВЕТА. Почему?

МЭРИ. Тебе важна, племянница, не мода, А что и как на ней сейчас избрызгал Чернилами священными Шекспир.

ЕЛИЗАВЕТА. Цветы!
МЭРИ. Ни-ни! Какой бы мы ни взяли Цветок: фиалку, розу, розмарин, Укроп или руту – адресат один.

ЕЛИЗАВЕТА. Мы о науке будем говорить.
МЭРИ. Наука устанавливает связи И познает строение Вселенной,
Чтобы творить, себя уничтожая.
Не в этом ли поэзии приметы?

ЕЛИЗАВЕТА. О государстве!
МЭРИ. Но поэт английский.

ЕЛИЗАВЕТА. О музыке!
МЭРИ. Но он не музыкант.

ЕЛИЗАВЕТА. История!
МЭРИ. Но он венец Творенья.

Мы вынуждены говорить о Шекспире. Не бойся, никто не узнает твоей тайны, потому что тайны влюбленных одинаковы: чем сильнее о них молчишь, тем они слышнее.

ЕЛИЗАВЕТА. Как я самой себе не доверяю,
Я доверяю вам. Каков бы ни был Портрет, составленный из красок графа, Я красоту за правду не куплю.

МЭРИ. Пугаешь ты, племянница, меня. Гореть в огне, не развеяв огня.
Но довольно. Сюда идет граф Саутгемптон.

Входит ГЕНРИ.

ГЕНРИ. Я рад вас видеть.
МЭРИ. И мы рады вас видеть, Генри.

ЕЛИЗАВЕТА. Здравствуйте, граф.
ГЕНРИ. Благодарю вас за приглашение.

Для меня счастье еще раз побывать у вас.
МЭРИ. Отчего же?
ГЕНРИ. У вас остров спокойствия.

МЭРИ. Да, и многие корабли разбились об него.
ГЕНРИ. Немудрено. Берега опасны. Надо трижды обойти остров, чтобы найти залив.

МЭРИ. Вы уже вошли в залив, смутив Елизавету.

ГЕНРИ. Простите. Я давно не видел вас, Но время вас одаривает щедро И ничего не требует взамен.

Я слышу ум подвижный и глубокий, Но юности припев не портит песни.

МЭРИ. Хотя она сказала вам два слова. Не правда ли, у нее одухотворенное лицо?

ЕЛИЗАВЕТА. Тетя!

ГЕНРИ. Да.

МЭРИ. А какие лица вам больше нравятся: одухотворенные или духовные?

ЕЛИЗАВЕТА. Тетя!

ГЕНРИ. Одухотворяющие.

МЭРИ. Что ж, и вы по дороге к нам не растрастили разум. Будем считать, что вступленье нам удалось.

ГЕНРИ. Поэтому без лишних рассуждений Я к сути нашей встречи приступлю.

Что вам известно, Генри, о Шекспире? Когда я приглашение получил Приехать к вам, то сразу догадался, О чем пойдет беседа. Я надеюсь, Что вы, кому известно лучше всех, Где Музы в Вечность окунают Время И кто у них последний фаворит,

Расскажете мне сами о Шекспире.
МЭРИ. Мне известно о нем лишь из книги, в которой посвящение адресовано вам.

ГЕНРИ. Слышком дерзкое для незнакомца и чересчур любезное для друга.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы с ним дружны?
ГЕНРИ. Нет.

ЕЛИЗАВЕТА. Незнакомы?
ГЕНРИ. Незнаком. Но я встречался с человеком по имени Уильям Шекспер.

МЭРИ. Вы нас хотите запутать, Генри?

ГЕНРИ. Я сам запутан. Все меня благодарят, что под моим крылом возродился Феникс поэзии, а я чувствую, что Феникс перелаял повадки кукушки. И как Феникс отличается от кукушки, так лицо Уильяма Шекспера отличается от его творений.

ЕЛИЗАВЕТА. Опишите, пожалуйста, его лицо.

ГЕНРИ. Два глаза, случайно попавшие в глазницы: нос, чующий то, что в кошельке; губы, приспособленные под кружку; язык, приспособленный под губы; два уха, просверленные насковзь. Все разбросано в беспорядке.

При встрече он глазел на мои перчатки, словно боялся, что они передвинут что-то на его лице.

ЕЛИЗАВЕТА. Так правды нет в его стихах случайных?

Он хитростью пробрался на Олимп И обесчестил Память, Мнемозину, Чтобы явилась Муза воровства? Она украли у сестер беспечных Поэму, что могла сорвать повязку У Купидона, чтобы тот стрелял И видел, чьи сердца он поражает.

Или Венера, проклятая мир, Изгнав себя с Земли, на ней оставшись, Закрыв пути на Небеса влюбленным И кровь насытив невозможным счастьем, Поэтов наделила мордой вепра, А красоту запрятала в слова? Тогда живи такое сочетание Лица и слов, чтобы усилить правду.

Воруй, Шекспир, сердца и кошельки И убивай надежду в колыбели.

ГЕНРИ. Мне очень жаль, что в вас рассказ мой вызвал,

И счастлив тем, что вызвал мой рассказ. Пути влюбленных в Небеса открыты, Когда они открыты Небесам.

И вы тому порукой. Что мне сделать, Чтоб не была такой ужасной правда?

ЕЛИЗАВЕТА. Позвольте видеть правду без прикрас.

Я через вас увидела Шекспира, Не разглядев всей жизни полноты. Урок мне дорог тем, что он суров.

МЭРИ. Послушайте, Генри, может быть, не Шекспер, а другой написал поэму? При таком содержании трудно иметь такую внешность. Что-то должно отражаться.

ГЕНРИ. Я сам об этом думал. Если шутка Причина для создания поэмы, Я познакомлю с вами шутника.

Но если кто-то хочет быть поэтом Без имени, поверенным богов, Я не смогу открыть и половины.

МЭРИ. В любой исход нас посвятите, Генри. Мы не расширим тайны, опороча Наследья, что оставил нам Филипп.

Идемте, граф.

Уходят.

Продолжение в следующем номере